

Юн Ци также проснулся рано утром, однако хранил молчание и, прикрыв глаза, притворился спящим.

Он знал, что Юн Шань, пробыв какое-то время рядом, тихо поднялся с постели. Он даже мог почувствовать на себе его мягкий взгляд.

Зимний рассвет был таким тихим, что в комнате можно было слышать дыхание двух людей.

Юн Шань, кажется, вытянул руку, словно желая коснуться лица Юн Ци, но, вероятно, побоялся разбудить его и сдержал себя.

Старший брат же не осмелился открыть глаза, боясь встретиться со взглядом младшего брата.

Услышав, как Юн Шань уезжает, Юн Ци продолжил лежать в кровати, затаив дыхание на какое-то мгновение. Он боялся пошевелиться и разразиться горькими слезами.

Дождавшись, когда все шорохи стихнут, юноша медленно поднялся с постели.

Принц сидел с удручённым видом, будто застывшее изваяние.

Юн Ци словно боялся сделать лишнее движение. Ему казалось, пошевели он хоть пальцем, и та царившая над головой темнота тотчас же рухнет, и из мрачных углов дворца вырвутся разного рода чудовища, загоня его в угол и заставляя делать то, чего он не хочет.

Как раз в этот момент, проводив Юн Шаня, вернулся Чан Дэфу. Желая проверить, как там Юн Ци, слуга вошёл в комнату, где обнаружил сидящего на кровати оцепеневшего юношу.

— Ой! Почему Ваше Высочество так рано проснулся? Так легко одеты, почему не позвали Вашего слугу? Ведь если Вы заболете, то, когда Его Высочество наследный принц вернётся, думаете, не накажет Вашего слугу? — Вспомнив лицо Юн Шаня перед отъездом, Чан Дэфу улыбнулся шире, чем обычно, тотчас же взял верхнюю одежду и направился к принцу, чтобы набросить её на плечи юноши.

В этот момент, чувствуя себя подавленным, Юн Ци увидел, что слуга заботливо взял верхнее платье и подошёл к нему. Юноша поднял руку, чтобы забрать любезно предоставленную одежду, и сам накинул её на плечи.

Кончик пальца коснулся шеи, и его словно обожгло ужасным жаром, пугая юношу, который чувствовал тяжесть в голове и слабость в ногах. Поначалу Юн Ци считал, что он в таком состоянии из-за того, что только что проснулся, однако сейчас он понял, что, возможно, вчера вода в бочке была действительно холодной.

Юноша притворился, что хочет вытереть лицо, вытянул руку и прикоснулся к себе. Действительно, он был необычайно горячим. Юн Ци знал своё тело: родившись хилым ребёнком, он понимал, что такой жар посреди зимы не к добру. Однако в душе он совершенно не тревожился, наоборот, испытывал спокойствие.

Видимо, Небо тоже обратило на него свой взор и, понимая, что юноша не хороший и хочет навредить младшему брату, ниспослало на него простуду в знак наказания.

Надеюсь, Юн Шань, этот наследник престола, действительно получил покровительство Небес, и никакое горе его не коснётся.

И слуги во дворце, и матушка, и наложница Шу, и Юн Линь — пусть каждый будет в безопасности.

Юн Ци сидел на кровати, и чем больше он думал, тем меньше ему хотелось спать. Раньше он совершенно ни во что не верил, однако сейчас помимо своей воли его губы разомкнулись, и, сложив молитвенно ладони, юноша закрыл глаза, шепча лишь два слова: «О, Амитабха» [1].

Чан Дэфу, совершенно ничего не понимая, мягко проговорил:

— У Вашего Высочества поистине золотое сердце. Несмотря на красивый зимний пейзаж, многие простолюдины довольно в плачевном состоянии, неизвестно сколько людей замёрзло и умерло от голода. Его Высочество наследный принц тоже обеспокоился этим и ранним утром отправился в столицу, чтобы разузнать обстановку.

Догадавшись, что его неправильно поняли, Юн Ци, не выказывая возражений, бесцветно проговорил:

— В такой момент кто захочет обращать внимание на зимний пейзаж?

Юн Ци двинулся и поднялся с постели.

До этого юноша полулежал на боку на кровати, после того, как он поднялся с места, Чан Дэфу ясно увидел странный румянец на его лице. Прищурившись, слуга приблизился:

— Почему на лице Вашего Высочества такой румянец? — И вытянул руку, желая прикоснуться ко лбу.

Юн Ци понимал, что если слуга узнает о его недомогании, то непременно поднимет шум, который услышат все. Стараясь избежать лишней шумихи, юноша схватил руку евнуха, не позволяя коснуться себя, и с мрачным лицом проговорил:

— Если есть, что сказать, то говори, но руки распускать не стоит.

Он уже некогда был наследником престола. Повернувшись, юноша бросил взгляд иссиня-чёрных глаз на Чан Дэфу, а на лице появилось выражение неприкосновенной и уважаемой личности.

Евнух побоялся вызвать недовольство и со смехом проговорил:

— Ваш слуга лишь испугался, что Ваше Высочество заболел, вот и хотел проверить.

— Здесь только ты болен, — сказал Юн Ци и добавил: — Я недавно проснулся, и это природный румянец. Ты сказал, что Юн Шань покинул дворец?

— Верно, Его Высочество наследный принц только что уехал.

Юноша остановился и не произнёс ни слова.

Чан Дэфу совершенно не понимал, что творится на душе этого сына императора. Должно быть, из-за Юн Линя, который вчера поднял шум, на сердце сейчас безрадостно. Его мягкие и изящные манеры были не такими, как обычно, что слегка вводило в ступор.

Слуга не осмелился раздражать принца. Чан Дэфу извинился и отошёл в сторону, поглядывая на лицо юноши.

Спустя долгое время Юн Ци процедил сквозь зубы:

— Раз уж Юн Шаня нет, то я лучше пойду что-нибудь почитаю.

— Читать — очень хорошее дело. Ваше Высочество действительно усерден. — И Чан Дэфу запросил указаний: — Может, попросить придворного наставника прийти и провести урок Вашему Высочеству?

— Придворный наставник слишком стар, а ты хочешь, чтобы он пришёл в такую холодную погоду. Вот так принцы-ученики пренебрежительно относятся к почтенным старикам? — Юн Ци покачал головой: — Я сам найду, что почитать. — Юноша остановился на мгновение, жар, что до этого сжигал тело, внезапно потух, возвращая лицу повседневную бледность. Юн Ци глубоко вздохнул и, опустив взгляд, с притворной рассеянностью спросил: — В библиотеке книги все старые и уже приелись. Я помню, раньше во внутренних покоях стоял шкаф, в котором хранились уникальные экземпляры книг с гравировкой. Они ещё на месте?

Всё же это было впервые. Когда юноша говорил, его сердце бешено билось, готовое вот-вот выскочить из груди.

Чан Дэфу хоть и чувствовал что-то неладное, однако сделал вывод, что это из-за скандала, устроенного Юн Линем, и, посчитав, что справиться с упрямым Юн Ци гораздо легче, чем с разгневанным Юн Шанем, улыбнулся:

— Ваш слуга малограмотный и не различает, какие книги с гравировкой, а какие без. Ваше Высочество спросил: хранятся ли во внутренних покоях книги. Ваш слуга видел там несколько. Эти книги и раньше там были. После того, как Его Высочество наследный принц переехал во дворец, то строго-настрого запретил нам что-либо там менять, оставляя всё так, как было при Вашем Высочестве. Тц, не вините Вашего болтливую слугу, это Его Высочество наследный принц, на которого Ваше Высочество Юн Ци совершенно не обращал внимания.

Слуга без раздумья сболтнул, заискивая перед Юн Ци, но юноша почувствовал, как сердце разрывается от боли, а лицо будто обожгло пощёчиной.

Однако тетива уже натянута и не выстрелить невозможно. Юноша не мог бросить свою матушку в Холодном дворце, где стоял лютый мороз.

Чуть ли не до крови прикусив нижнюю губу, Юн Ци шёпотом спросил:

— Можно мне войти во внутренние покои и почитать там?

Само собой, покои наследного принца были важным местом, куда посторонним запрещалось входить, тем более Юн Ци, который получил высочайший указ и должен был сидеть под надзором, переосмысливая свои действия. Юноша скрыл истинные намерения и спросил, боясь, но в то же время смутно надеясь, что Чан Дэфу всё же позволит ему попасть туда.

Слуге до этого было велено, несмотря ни на что, развлечь Юн Ци и поднять ему настроение. Конечно же, услышав его пожелание, придворный евнух без колебаний ответил:

— Ваше Высочество, что за ерунду Вы говорите?! Почему Вашему Высочеству нельзя туда входить? Потерпите немного, сейчас Ваше Высочество причешут и умоют, а после завтрака я составлю Вашему Высочеству компанию и провожу туда.

Получив согласие слуги, юноша обрадовался, однако его душу всё же охватывала тревога. Юн Ци вновь на мгновение ощутил страх.

Вскоре на пороге появились отвечающие за утренние процедуры служанки с серебряным тазом, который был наполнен горячей водой. Девушки тотчас же окружили стоящего на месте Юн Ци и стали ухаживать за ним. Принц совершенно не знал, что делать. Он поднял голову, демонстрируя значительные изменения на своём лице.

В глаза вновь бросилось лицо Хэ Цзюняня, который стал его кошмаром.

И внезапно тело пронзила боль, словно юношу избили палкой.

К счастью, Хэ Цзюнянь не обращал внимание на Юн Ци. Соблюдая правила приличия, слуга нахмурился, вытянул руки и подал подготовленную жилетку, в которую должен был переодеться юноша.

— Ваше Высочество, в чём дело? — спросил Чан Дэфу.

— Ни в чём...

После того как его причесали, умыли и переодели, у Юн Ци немного закружилась голова оттого, что он долго стоял. Боясь по неосторожности упасть в обморок, юноша поспешно отступил назад и присел на край кровати.

Подали завтрак. Юн Ци спешно поел и тотчас же приказал убрать всё со стола.

Чан Дэфу также расторопно подчинился приказу и, убрав завтрак, вновь вернулся к юноше. Почтительно поклонившись, слуга сказал, что хочет составить Юн Ци компанию и проводить его во внутренние покои наследного принца.

На что юноша ответил:

— Ты слишком шумный, как мне читать, если ты будешь рядом?

Чан Дэфу смущённо улыбнулся:

— Тогда... тогда Ваш слуга не посмеет следовать за Вами. Так или иначе, если у Вашего Высочества появятся какие-нибудь распоряжения, только позовите, и Ваш слуга тотчас же придёт.

Воспользовавшись чтением как предлогом, Юн Ци отправился один.

Внутренние покои были теснее, чем библиотека. Солнечный свет здесь был не таким ярким, и стоило перешагнуть порог, как покои показались мрачными и вселяли страх.

Юноша стоял в дверях и, обведя взглядом комнату, стал задыхаться от тоски, что охватила его душу.

Разумеется, внутри всё было так же, как и тогда, когда он, Юн Ци, занимал место наследного принца. Сейчас осмотревшись, юноша заметил, что несколько ценных уникальных экземпляров книг находятся на прежнем месте, в углу всё так же стоит маленький трёхножный столик из

жёлтого дерева для курильницы, напротив высится изогнутая, сделанная из вяза ширма с изображённым на ней фениксом, которую когда-то юноша сам выбирал.

Действительно, как и говорил Чан Дэфу, совершенно ничего не изменилось.

Фактически Юн Шань сохранил все его вещи, Юн Ци будто в воду смотрел, однако никогда в жизни он не был так растроган, как сейчас. Юноша огляделся по сторонам, и на глазах навернулись слёзы.

Стоя в растерянности, Юн Ци непрерывно вздыхал.

Он робко прошёл к стене и неспешно начал трогать её.

Когда-то он сделал тайник во внутренних покоях, и сейчас юноша надеялся, что Юн Шань также сохранил его.

Найдя стержень тайника, Юн Ци надавил на него, послышался тихий щелчок.

Тайник открылся.

Заглядывать внутрь было ещё мучительнее.

Младший брат хоть был смышлёным и хитрым, однако его неразумность действительно могла причинить страдания.

Юн Ци дрожащими руками достал содержимое тайника, открыл, посмотрел несколько вещей и сразу обнаружил письмо, написанное Гун Ухуэем.

«Вассал, которого обвинили в клевете и заключили в императорскую тюрьму, услышав гнев императора, был сильно напуган».

«Он лишь просит, настойчиво умоляя Его Высочество, который лично приехал к нему, прислушаться к словам преданного императорского министра Гун Ухуэя и быть сострадательным и благосклонным. Преданный министр снова и снова прокручивает в голове эти мысли, бесконечно проливая слёзы».

«Он захотел сейчас же составить этот документ, надеясь, что Его Высочество сохранит его и, следуя наставлениям Гун Ухуэя, исправит ошибки».

«Лишь доброе слово будет благословлено Небесами».

Действительно, в письме всё было написано так, как и говорила матушка Ли: «Его Высочество наследный принц, который лично прибыл...» Эта бумага служила достаточным доказательством того, что Юн Шань ездил в императорскую тюрьму, где тайком встретился с Гун Ухуэем.

Однако попадись письмо отцу-императору на глаза, и такой пустяк для Юн Шаня, который занимал место наследного принца, станет настоящим бедствием.

Если не остерегаться, то можно попасться на преступлении.

Мелким преступлением считалось без какого-либо умысла самовольно отправиться в императорскую тюрьму. Из-за своей опрометчивости наследник престола мог попасть в немилость к отцу-императору. К серьёзному же преступлению относилось создание фракции в обход законов с целью переворота.

— Ваше Высочество, — раздался сзади слабый голос.

У держащего в руках письмо Юн Ци волосы встали дыбом, словно от раската грома. Резко обернувшись, юноша встретился лицом к лицу с Хэ Цзюнянем:

— Ты... ты как сюда попал? — слишком осипшим голосом спросил он.

Однако Хэ Цзюнянь был на удивление спокоен:

— Чан Дэфу занят другими делами, и Ваш слуга, пока никто не видит, вошёл сюда, чтобы встретиться с Вашим Высочеством. — Переведя взгляд, слуга посмотрел на руки Юн Ци: — Это то самое письмо, которое Гун Ухуэй написал в императорской тюрьме и вручил нынешнему наследнику престола?

Юн Ци крепко сжал письмо, больше всего боясь, что Хэ Цзюнянь похитит его, и сквозь стиснутые зубы процедил:

— Ты, дай мне выйти отсюда.

Юноша редко был таким разгневанным, Хэ Цзюнянь даже испугался и немедленно всё понял. Мужчина отступил на два шага назад, показывая, что у него нет дурных намерений, и, поклонившись Юн Ци, проговорил:

— Ваш слуга понимает, что Ваше Высочество не хочет никому причинять вреда, но сейчас нет иного выхода, так как госпожа Ли тоже умоляет спасти её. Если эта вещь окажется в её руках, она ни в коем случае не отдаст её государю-императору, лишь немного припугнёт наложницу Шу и только. В конце концов, как поступить, знает только Ваше Высочество, понимаю... — Пребывая в нерешительности, слуга еле слышно добавил: — Понимаю, что Ваше Высочество

любит Его Высочество наследного принца, однако... однако не стоит забывать и про любовь между матерью и сыном.

Мужчина договорил и низко склонился, затем, медленно отступая назад, вышел из комнаты.

Юн Ци, видя, как Хэ Цзюнянь удаляется, чувствовал, как над ним нависают чёрные тучи, которые не только невозможно было разогнать, но они опускались всё ниже и сдавливали своей тяжестью горло, не давая вздохнуть.

Любит младшего брата?

Любовь между матерью и сыном?

Юн Ци горько усмехнулся. Пальцы заныли, и юноша вспомнил, что всё ещё крепко сжимает в руках письмо Гун Ухуэя. Принц опустил голову и посмотрел на бумагу, которая уже больше напоминала сморщенные квашеные овощи.

Примечания:

[1] Одно из самых употребительных молитвенных причитаний у буддистов; ср. «о, господи», «слава богу».

<http://bllate.org/book/13372/1189598>